

О публичных экзаменах и актах

Нужны ли публичные экзамены и акты? Литература находит их ненужными и несовременными; но в проектах устава они существуют, следовательно, *должны быть*, хотя бы зритель сам сознавал несостоятельность их. В истекшем году мне удалось быть на публичном экзамене духовного училища и акте светского училища в одном и том же уездном городе. Опишу их так, как было на самом деле. Скрывать такие вещи тем более грешно, что они *публичные*; публика, следовательно, вправе высказать о них своё мнение.

с. 28

Публичный экзамен духовного училища

По окончании внутренних испытаний, по составлении разрядных списков учеников, а иногда и до составления списков, назначается день публичного экзамена. Для сего рассылаются по городу воззвания к публике такого рода: «Июля 15 дня, имеет быть открытое испытание учеников N-уездного духовного училища, почему любители духовного просвещения сим почтеннейше приглашаются к оному».

Между тем каждый учитель за неделю до экзамена выбирает по своему предмету какой-нибудь отдел в учебнике, или, если учебник очень недостаточен, то выбирает из других книг места подходящего к учебнику содержания, и назначает ученикам выучить. Надобно ещё заметить, что ученики для этого дела выбираются лучшие из класса, — и что не всем ученикам даётся выучить весь отдел, а каждому распределяется известное число вопросов. Приходит уречённый час, — публика собралась. Не худо принять к сведению, кто составляет публику в уездном городе. Составляют её: духовенство городское почётное, несколько дворян, несколько купцов, близких почему-либо зрителю, несколько мещан и даже солдат, если они не на фронте. Приглашённым раздаётся порядок испытаний, в коем пишется так: «при входе посетителей певчие поют: царю небесный» (а вернее следовало бы сказать: при входе самого зрителя или почётнейшего лица в городе из духовных, например протоиерея), потом вычисляются предметы,¹ из коих назначено экзаменовать; далее читаются списки учеников, отличившихся благонаравием и успехами и награждённых книгами (а какими? Боже мой! старыми учебниками, ни к чему негодными, никакой пользы не приносящими), оставленных в том же классе, переведённых в высший класс (если год переводный) и исключённых из училища. Самый процесс экзамена очень прост. Зритель, например, скажет: по пространному катехизису! Учитель выходит на середину, вызывает сам назначенных им же учеников, спрашивает того, другого, третьего... ученики, разумеется, читают на отрез — тем и кончается экзамен по этому предмету. Потом из других предметов точь-в-точь таким же образом, — и прочее всё до конца, как в порядке написано. Возражений со стороны публики давать не принято: только и слышишь — вопросы учителя и довольно поспешное чтение учеников. По окончании экзамена любители просвещения приглашаются к закуске, устраиваемой зрителем. Скажите на милость — что значит вся эта процессия? Имеет ли она какой смысл и разумное значение? Право, не находим ничего. Для чего созывается публика на экзамен? Конечно, для того, чтобы она могла судить о степени развития способностей учеников и о сумме их познаний. А много ли из уездной публики, например, понимают латинский язык и греческий?! Между тем на экзамен по языкам отдаётся третья часть времени! И мы с сожалением смотрели на пуб-

с. 29

*Свирелин, А. И. О публичных экзаменах и актах / А. И. Свирелин // *Русский педагогический вестник*. — 1861. — № 5. — С. 28—32.

¹ По программе насчитывается предметов до 15-ти.

с. 30

лику, как во время экзамена половина её то дремала, то зевала, то разговаривала. Притом публика заранее знает, что ученикам наперёд даётся выучить то, о чём их будут спрашивать, знает и то, что ученики для экзамена выбираются самые лучшие. Таким образом, может ли, да и должна ли публика судить о степени развития учеников? Нет, как угодно!

Нет ли по крайней мере для учеников какого разумного значения в публичном экзамене? Тоже нет. Разрядные списки, как мы выше сказали, уже составлены или почти готовы; стало быть, экзамен этот не имеет влияния ни на повышение, ни на понижение их. Оттого и ученики, как мы слышали, весьма неохотно идут на экзамен и всячески избегают назначения отвечать на нём.

Нет ли какого значения для учителей? Тоже нет. Экзамен этот для них служит только тяжёлым бременем. Экзамен этот бывает только после внутренних экзаменов, а чего стоят они каждому учителю — спросите-ка их! И вот после трудов законных прилагаются им ещё новые труды. Надобно ему озаботиться приискать лучшее место из учебника, избрать лучших учеников, выслушать их до экзамена раза три. А к чему это? Ровно ни к чему!

Нет ли, наконец, какого значения для самого зрителя? Тоже нет. Дело учебное здесь для него сторона. Он производит внутренние испытания; следовательно, без публичного может судить о степени развития учеников. Его забота больше о том, как бы угостить почтенную публику, чтобы она осталась довольною его явством и питием.

Итак, публичный экзамен есть форма, бесполезная для публики, бездушная для учеников, тяжёлая для учителя, разорительная для зрителя, — форма пустая, которую давно бы следовало отменить.

Публичный акт светского уездного училища

с. 31

Публика приглашается к акту также по билетам. Акт светского училища был не то, что публичный экзамен духовного училища. Здесь не спрашивались ученики, и нельзя было знать, чему учились ученики в течение года. Акт открылся длиннейшим рассуждением законоучителя об участии разума в деле религии. Монотонность чтения, неясность изложения и бессвязность мыслей, высота самого предмета, непонятного для большей части публики — навели страшную скуку. Чуть не перекрестились все, когда речь была окончена. Потом ученики начали читать сказочки да басенки... Чтение это продолжалось не менее часа; но опять это чтение было скучное, без такта, без надлежащего прононса. Далее — учитель говорил речь о потребностях учебных в приложении к городскому обществу. Предмет взят дельный, но неприложимый к публике. Речь обращена была главным образом к купцам; а их никого не было. В заключение раздавались похвальные листы ученикам, а после всего публика приглашена была к закуске.

Имеет ли акт этот какой смысл и благородную цель? Право, мы не доискались. В духовном училище мы слышали по крайней мере, что ученики учились пятнадцати предметам, на акте же мы не узнали ничего, кроме чтения и басенок. А речи? Ох, речи, уездные речи! Только грому много, а дождя, благотворно орошающего душу, от них нет и быть не может. Мы немало удивились, когда увидели, что они допущены и новым проектом устава (§ 148). Все эти речи пишутся и говорят по наряду, а нарядное слово может ли оказать доброе действие на слушателей? Речи говорятся учителями, которые в понятиях городского общества пользуются незавидною репутациею. Может быть, теперь, когда правительство обратило внимание как на качества и способности учителей, так и на материальное их состояние, и переменит общество взгляд на них: но долго, долго ещё будет считать их принадлежностью кутёж. А при таком предубеждении общества речь уездного учителя непременно останется гласом в пустыне. Надобно сперва заслужить внимание к себе общества, быть лицом достопочтенным, чтобы говорить речь на публике. Вообще с акта мы не вынесли ни одной живой мысли; всё на нём отзывалось рутинным началом, схоластичным, безжизненным. Опять и здесь главная забота зрителя была та, чтобы накормить и напоить почтенную публику. В одной песенке, помню, поётся: «мысль за мыслию стремится всё к предмету одному». Без всяких ограничений это место может быть приложено к публичным экзаменам и актам в таком смысле: следит своею мыслию почтенный посетитель за мыслями, высказываемыми на них, а на уме всё одна мысль, да долго ли не кончится экзамен? Надоело, скучно! Долго ли не подадут закуску?

А в светском уездном училище можно бы из актов извлечь существенную пользу, дав им значение публичных экзаменов. В духовном училище не могут быть на экзамене отцы учеников; в светском могут быть. Вот бы и попросить на экзамен, даже обязать отцов детей и,

по желанию, лиц тех именно сословий, из которых набираются ученики. Зачем тут приглашать посторонних, как бы они ни были почётны? Они только связывают по рукам и ногам. Пригласить купеческое сословие, часть мещанского да чиновников, имеющих детей. А франтов, холостых, хотя бы и с кокардой, сюда нечего и пускать: ну, какая может быть польза от них? Вот и пригласить да и показать им на деле, чему выучил детей их, да потолковать с ними хорошенько самому зрителю, без сочинённых речей, простою, семейною, задушевною беседою: растолковать им, какое доброе приложение к жизни могут сделать приобретённые познания детей, — убеждать их не уводить детей из училища, когда им захочется, а дожидаться окончания училищного курса, — убеждать их самих содействовать успеху образования их детей, чтобы они не считали дело образования детей поконченным, когда они выйдут из училища, а старались бы развивать их и дома, — обсудить вместе с ними нужды общества, спросить их, чего бы ещё они сами желали видеть в детях своих, — не считают ли они нужным, по местным условиям, ввести в курс наук ещё какую-нибудь науку, подумать с ними, подать им совет, как сделать это дело — и просить их материального содействия к нему. Вот подобный акт будет весьма полезен; вот тогда и купцы мало-помалу привыкнут к образованию и не будут смотреть на училище, как на нечто враждебное, чуждое им. А теперешними актами, облечёнными в безжизненную форму с речами, можно отбить у них и последнюю охоту отдавать детей в училище. «Зачем я пойду на акт? — говорит купец, получа пригласительный билет. — Чего я там не видал: пуговиц-то, что ли, или властей своих? Нет, не пойду!» Нет, позовите купцов не для побасёнок и сказочек, не для питья и еды (которых у них вдоволь дома); а для семейной, простой, откровенной беседы: зовите их не для того, чтобы учить их речами, — а для того, чтобы они сами высказали вам свои нужды, свои потребности. Тогда акт будет не одной пустой формой.